

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

13 ДНЕЙ В ПОДВАЛАХ ЛУБЯНКИ

ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЮТСЯ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЛЕ К. ЦИОЛКОВСКОГО,
ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КОНТРАЗВЕДКИ

*«Земля мала,
земля тесна, земля
засорена — вперед
к другим планетам!
Жизнь вечна, смерти
нет, есть лишь
мыслящий атом,
который всегда был
и всегда будет!
Мозг и душа
бессмертны!
Высочайшая радость
в жизни есть
радость любви!
Причина всех
бед — скудость мира
и наших идей. Если
бы были отысканы
гении, то самые
ужасные несчастья
и горести, которые
кажутся сейчас
неизбежными, были
бы устранены!
Нет ничего выше
сильной и разумной
воли! Каждое
существо должно
жить и думать так,
как будто оно всего
может добиться
рано или поздно!
Космос переполнен
жизнью, даже
высшею, чем
человеческая!»*

К. Циолковский

Слухов об этой истории немало, да и сам Константин Эдуардович упоминал о своем пребывании в Чрезвычайке, но очень кратко и, я бы сказал, туманно. И вот, семьдесят пять лет спустя, дело № 1096 по обвинению Циолковского Константина Эдуардовича в моих руках. Никто, я подчеркиваю — никто, кроме одного сотрудника ФСК, никогда его не видел. Поражает прекрасная бумага, на которой велись протоколы. Почерк красивый, каллиграфический! И чернила были замечательные — сколько лет прошло, а письмо сохранилось блестяще. Чтобы передать дух того времени, я в основном сохраняю орфографию и стиль письма протоколов, показаний, донесений и других документов, имеющихся в папке.

Начато дело Циолковского 20 ноября 1919 года и открывается весьма странным и, я бы сказал, загадочным документом: «Точные пополнения к докладу сотрудников Особого отдела 12-й армии т. Кошелева и т. Кучеренко». Надо отметить, что Кошелев и Кучеренко не просто сотрудники Особого отдела, они — разведчики, посланные в стан врага. Им удалось так глубоко внедриться в денкинские ряды, что они стали сотрудниками разведки белых. Рассказав о том, что они видели и с кем общались, Кучеренко далее пишет:

«В г. Киеве мне и Петрову было сказано начальником разведки князем Галицыным-Рарюковым, чтобы не ходить и не собирать сведения по фронтам и не подвешивать себя опасности, а обратиться по адресу: г. Калуга, ул. Коровинская 61, спросить Циолковского. Пароль «Федоров — Киев». Циолковский среднего роста, шатен, в очках, большая борода лопаткой.

В Калуге должен быть штаб повстанческих отрядов спасения России. Циолковский должен сказать адреса пунктов, находящихся в Москве, где и должны давать полные и точные сведения о положении дел на фронте и красных войсковых частях».

...Князь бережет своих агентов, не хочет подвергать их опасности и считает, что они куда больше узнают от Циолковского. В Москву сведения доставлены из надежного источника и надежными людьми, адрес и пароль названы начальником разведки Добровольческой армии. Что должны делать в этой ситуации сотрудники МЧК? По законам военного времени Циолковского надо немедленно арестовать или установить наблюдение и организовать засаду. Но чекисты знали, кто такой Циолковский. Знали они и о диверсии на Альхорнском аэродроме*, знали о том, что,

несмотря на поражение, Германия пытается возродить дирижаблестроение, и в этой ситуации Циолковский для немцев находка. И самое главное, чекистам было известно о контактах военного министра в правительстве Петлюры немецкого офицера фон Стайбле с Галицыным-Рарюковым. Чуть позже выяснилось, что имя Циолковского оказалось в записной книжке князя.

Как оно туда попало? Знакомы они не были, это точно. И воздухоплаванием князь не интересовался. Значит, кто-то это имя ему назвал. Кто? Циолковский — резидент? Едва ли. Руководитель повстанческих отрядов? Сомнительно. Хотя... не раз выступал против гражданской войны, категорический противник смертной казни. Вожди учат, что революции без крови не бывает, а он призывает прекратить кровопролитие. Но раз он против крови — значит, против революции — это аксиома! В 1918-м был членом Социалистической академии общественных наук, но после присланного туда проекта идеального общественного строя его же коллеги поспешили от идеалиста избавиться, уведомив его об этом и прекратив выплату жалованья.

Так что старик не простой, дно там может быть и двойное, и тройное. И МЧК принимает решение произвести проверку Циолковского, причем настолько жесткую, провокационную, что только чудом можно объяснить, как он не был расстрелян и остался жив. К проверке методом подставки были подключены разведчик Молоков и комиссар Поль: Молоков должен изображать денкинского офицера, а Поль в нужный момент арестовать Циолковского.

Отчет Молокова, длинный и путанный, в деле сохранился полностью. Написан он довольно безграмотно, поэтому вместо «я сказал», «он сказал» я переведу его в форму диалога.

Итак, донесение разведчика Молокова.

«14 ноября вместе с т. Подем я выехал в Калугу. 16 ноября отправился по указанному мне адресу на

изобретение. Именно в это время известный немецкий конструктор граф Цепелин разрабатывал конструкцию своего дирижабля с металлическим каркасом. Расчеты Циолковского были неоценимым подспорьем в этой кропотливой работе.

К началу первой мировой войны Германия имела одиннадцать «Цепелинов», каждый из которых мог поднимать не менее десяти тонн. Вооруженные артиллерийскими орудиями, пулеметами и бомбами, поднимающиеся на недостижимую для самолетов высоту, они представляли грозную военную силу. За годы войны немцы построили еще восемьдесят девять «Цепелинов». Нетрудно представить, сколько неприятностей причиняла Антанте эта воздушная армада.

В январе 1918 года англичанам стало известно, что немцы подготовили операцию по прорыву британской морской блокады. Ключевую роль в этой операции должны были сыграть «Цепелины». И тогда англичане первыми нанесли удар: они послали диверсионную группу, которая должна была поджечь ангары. Ранним утром 5 января загорелся ангар № 1, а через минуту начались взрывы в четырех других. Гигантское пламя охватило весь аэродром, ведь в ангарах были и емкости с водородом, которым наполнялись дирижабли. Так был нанесен невосполнимый удар, причем не только материальный, но и моральный, по немецкому дирижаблестроению.

Впрямую имени Циолковского и Цепелина никто никогда не связывал, но все помнили, что первой изобретение Константина Эдуардовича признала и запатентовала Германия.

* Еще в 1887 г. Циолковский представил расчеты металлического транспортного дирижабля. Вскоре этот проект поступил в Седьмой воздухоплавательный отдел Русского технического общества. Его председатель Е. С. Федоров отметил, что «расчеты г. Циолковского произведены вполне правильно и весьма добросовестно... но подобные аэростаты вряд ли могут иметь какое-либо практическое значение, хотя и очень много обещают с первого взгляда: ходатайство о субсидии на постройку модели отклонить». Но работа Циолковского была опубликована, и в 1909 г. в Германии ему выдали первый патент на

Коровинскую, 61... Стучусь. Отворяет молодая женщина, завернувшаяся в плед.

— Здесь живет Циолковский? — спросил я.

— Да, здесь.

— Можно его видеть?

— Пожалуйста, проходите. Я сейчас скажу.

Иду за ней по коридору. Входим в помещение. Небольшая комната, справа лестница наверх.

— Как о вас сказать Циолковскому?

— Скажите, что я Образцов.

Поднявшись на самый верх, женщина говорит:

— Папа, вас хочет видеть господин Образцов.

— Сейчас, — слышится голос старика. — Я не одет. Да зови его сюда.

Поднимаюсь наверх. Навстречу выходит мужчина среднего роста, несколько сгорбившись. Темные волосы с большой проседью в голове и борода лопаткой. Правда, без очков, но с чуть заметными следами от них на носу. Он на ходу подвязывает веревкой старое пальто, которое надел поверх теплого нижнего белья. Рекомендуюсь:

— Я Образцов, — и добавляю данный мне пароль. — «Федоров — Киев».

— Я плохо слышу. Сейчас возьму трубку.

Берет слуховую трубку и вставляет в левое ухо. Я ему говорю:

— «Федоров — Киев».

— Как? — удивленно восклицает он. — Вы Федоров?

— Нет, я Образцов и прибыл из Киева.

— А, так вы, значит, знаете Федорова. Рад вас видеть, садитесь, — похлопал он меня по плечу. — У меня холодно. Но я сейчас затоплю печку, потеплеет, и тогда мы поговорим.

Пока он растапливает чугунок, я осматриваю комнату. Она небольшая, в два окна на реку, по стенам жестяные модели дирижаблей в разрезе, на столах и полках книги, брошюры, рукописи, на одном из столов электрическая машина, а рядом с ней станок для работ по жести. Затопив печку, Циолковский усаживается поближе, берет слуховую трубку и начинает говорить:

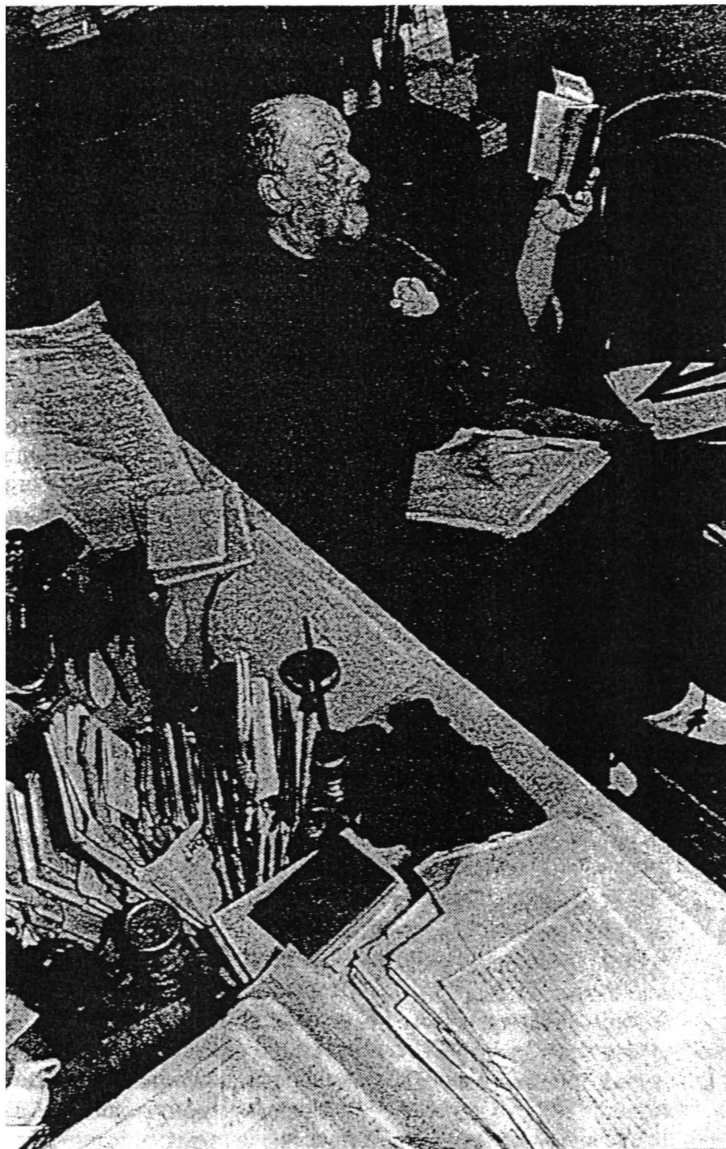
— Итак, вы знаете Федорова и интересуетесь воздухоплаванием. С удовольствием поговорю с вами и сообщу все, что вас интересует.

— Благодарю вас. Я, конечно, интересуюсь воздухоплаванием как делом, имеющим большое будущее в жизни человечества, но в данное время у меня другая миссия, которую я должен выполнить прежде всего. Я послан из Киева начальником разведывательного пункта князем Галицким-Рябковым с тем, чтобы получить нужные сведения о Восточном фронте, о тех намерениях и задачах, которые думают предпринять на нем большевики. От вас я должен получить указания, к кому я могу обратиться в Москве, чтобы добыть нужные мне сведения.

— Я вас не совсем понимаю. Я ученый, интересуюсь наукой, в частности воздухоплаванием, политических же сведений дать вам не могу, ибо стою далеко от политики. Видите, об этом же говорит

и вся окружающая обстановка. А связи с Москвой у меня если и были, то чисто делового, научного характера — главным образом по изобретению дирижабля. Если хотите, покажу переписку, которую я вел.

— Спасибо. Но мне нужны адреса лиц, которые стоят близко к интересующему меня вопросу, ибо

это очень важно для нашего дела в борьбе с большевиками.

— Я очень сожалею, что не могу помочь вам, но повторяю, что если и имел сношения с Москвой, то сугубо научного характера. Я удивляюсь, как вас могли послать ко мне.

— Я сам поражен и глубоко возмущен, что меня послали сюда. Перед отправкой я пошел к князю и в приемной встретил Федорова, который сказал мне, что для вас есть большой важности дело и дал пароль.

— Неужели все это устроил Федоров? Я всегда думал, что он легкомысленный человек. Помимо переписки по поводу моего дирижабля, я с ним ничего не имел. И лично его никогда не видел. Насколько мне известно, во время войны он был офицером-летчиком. После взятия Киева большевиками он мне писал, что очень недоволен порядками, которые установили большевики. Как хоть он живет?

— Хорошо. Мы там не голодаем и не холодаем, недостатка ни в чем не испытываем. Не то, что здесь...

— Да, это проблема. Теоретически я согласен с социалистическими идеалами, но на практике с большевиками расхожусь и в данное время не имею ничего против монархии — лишь бы миновали ужасы голодной и холодной жизни. Я ведь был членом Социалистической академии, но теперь вышел. Мне даже предлагали переехать в Москву, но я отказался. Проводимые аресты, конечно же, возмутительны. А жизнь в Республике не налаживается потому, что всем управляет молодежь, не имеющая ни опыта, ни знаний.

Вскоре подали чай. Пошел разговор о ситуации на фронте, о помощи, оказываемой белогвардейцам англичанами, о дирижабле, грузоподъемностью в 600 человек, который он предложил построить Советскому правительству, причем в сугубо мирных целях.

Когда я собрался уходить, он проводил меня до двери и, похлопав по плечу, пожелал успехов и тихо добавил:

— Мы ведь считаем вас своими спасителями.

На следующий день я снова зашел к Циолковскому. Поднявшись наверх, я сказал:

— Боюсь, что вчера вы мне не совсем доверяли. Я решил зайти снова и показать документ, удостоверяющий, что я являюсь агентом разведывательного пункта Добровольческой армии. Вчера он был спрятан в сапоге под стелькой, а теперь я его достал.

— Нет-нет, я вам верю. Я вчера и с дочерьми разговаривал, и мы пришли к заключению, что вы действительно оттуда. Ведь это заметно.

Но документ он прочитал и еще раз пожелал, что ничем не может помочь. В это время снизу раздался голос жены Циолковского:

— Константин, еще гости.

Оказывается, явился тов. Поль с уполномоченными от местной ГубЧК.

— Вы Циолковский? — спросили они.

— Да, я.

Тут тов. Поль заметил меня, и я дал знак, чтобы он

поднялся наверх. Когда он поднялся, я сказал, чтобы меня тоже арестовали.

— А кто вы такой? — громко спросил тов. Поль.

— Я из Москвы, фамилия моя Молоков, — протянул я паспорт.

— Вы это подтверждаете? — обратился тов. Поль к Циолковскому.

— Я вижу его в первый раз, а прибыл он по поручению Федорова.

Потом нас отвели в ГубЧК. Через некоторое время, якобы для выяснения моей личности, меня отвели в другую комнату и освободили.

На этом отчет провокатора заканчивается. Сделав свое дело, он двинулся по служебной лестнице дальше.

А в доме Циолковского полным ходом шел обыск. В дело подшит ордер № 109, на основании которого перетряхнули весь дом. Весьма любопытен текст этого документа: «Поручается товарищу Рыбакову произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг. В зависимости от обыска задержать гр. Циолковского и реквизировать или конфисковать его товары и оружие».

Задержали, а вернее, арестовали Константина Эдуардовича еще до обыска. Слава Богу, дома были жена и дети, а то ведь ничего не стоило подбросить револьвер и пару гранат, а потом «пришить» Циолковскому обвинение в организации террористической группы. Но дочь Люба была опытна в такого рода делах, недаром еще в царское время сидела в «Крестах», так что провокации она бы не допустила.

19 ноября Константин Эдуардович уже был на Лубянке. Регистрационный листок Особого отдела МЧК составлен именно в этот день. Кроме фамилии, образования, национальности, происхождения (кстати, из дворян) зачем-то внесены приметы Циолковского: роста среднего, походка качающаяся, нос длинный, глаза серые, волосы седые, голос глухой.

Сидел он в общей камере, так что насмотрелся всякого: отсюда вводили на допросы и расстрелы, здесь выясняли отношения и умирали, просили передать последнее «прости» и отнимали тюремную пайку. Как старый, больной человек это выдержал, не свихнулся, не отдал Богу душу?!

И вот, наконец, первый допрос. Состоялся он 29 ноября и проводил его следователь Ачкасов. На этот раз среди многочисленных анкетных данных появилась новая графа: политические убеждения. Десять дней в общей камере не прошли для Циолковского даром: он не стал изображать из себя пацифиста, толстовца, противника кровопролития...

— Сторонник Советской республики.

Следователь решил усыпить бдительность шестидесятидвухлетнего ученого и дал ему возможность поговорить на любимую тему — о воздухоплавании и дирижаблестроении. И вдруг резко без переходов:

— Почему именно к вам зашел деникинский офицер?

— Почему? Я не знаю, почему. Видимо, потому, что я состоял в переписке с Федоровым, а они были знакомы. Ко мне пришел молодой человек, назвавшийся Образцовым. Я поверил, что он деникинский офицер и дал понять, что он ставит меня в весьма затруднительное положение. «Вы рискуете головой, да и я рискую, если не донесу на вас», — сказал я. Но он и после этого не ушел. Тогда-то я и усомнился, что он деникинец, а всего лишь играет роль деникинца, и потому ни в чем ему не противоречил. Когда он все же ушел, я все продумал, посоветовался с семейством, и мы решили отложить донесение в следственную комиссию до следующего дня, так как видели в нем провокатора.

Вряд ли Константин Эдуардович унизился бы до доноса — не то воспитание. Скорее всего, кто-то из сокамерников наставил старика, как отвечать следствию. И еще деталь: уж если идти с доносом, то с утра, а в рапорте Молокова сказано, что второй раз он явился к Циолковскому в середине дня — значит, бежать в следственную комиссию никто не собирался.

— На другой день Образцов явился снова, — говорил далее Константин Эдуардович, — и продолжал настаивать на том, чтобы я указал лиц, которые дали бы сведения о Восточном фронте — тут я окончательно убедился, что он играет роль деникинца. Потом явился комиссар Поль и предъявил ордер на право обыска и ареста... После всех произнесенных мною показаний больше показать ничего не имею и виновным себя в чем-либо по отношению каких-либо антисоветских действий не признаю, в чем и распишываюсь.

Подпись Циолковского заверил следователь Ачкасов. Константин Эдуардович написал свою фамилию через «а» — Циалковский. В деле есть еще один протокол допроса — показания чекистского разведчика И. С. Евсеева-Петрова, но ничего нового они не добавляют.

И вот, наконец, итоговый документ. Приведу его почти без сокращений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следователя Ачкасова по делу № 1096

...Несмотря на все доводы Кучеренко и Евсеева-Петрова, что через некоего Федорова они узнали в Киеве в стане неприятеля, что Циолковский знает все пункты организации Союза возрождения России, я делаю вывод, что белые не знали Циолковского.

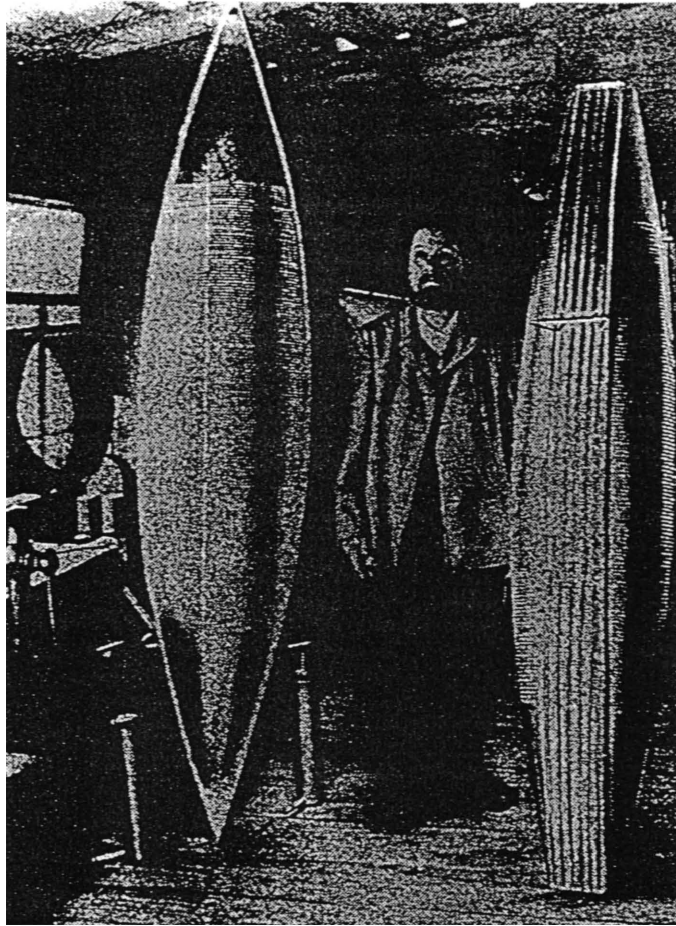
Когда Циолковский стал догадываться, что Образцов является подставкой и только играет роль деникинца, он ему ни в чем не противоречил... В невыяснении о принадлежности Циолковского и неполучении сведений сделал

оплошность т. Образцов, он же Кучеренко, который погорячился, открывая себя деникинским агентом, узнавая сразу же справки у Циолковского, который, переживший многое, и как практик в жизни сразу же догадался о посещении его Образцовым и тем самым скрыл свою принадлежность к организации СВР и место нахождения таковых. А поэтому, ввиду полной недоказанности виновности Циолковского, но твердо в душе скрывающего организацию СВР и подобные организации, предлагаю выслать гр-на Циолковского К. Э. в концентрационный лагерь сроком на 1 год без привлечения к принудительным работам ввиду его ста-

рости и слабого здоровья.

Перечитайте этот документ, насколько он страшен. Провокация не удалась, но как не хочется упускать из рук добычу! И следователь придумал извилистый ход: раз нельзя расстрелять, то можно сгноить.

Судьба Константина Эдуардовича была предрешена. Но... служили в ЧК и люди, думающие по-другому. Одним из них был начальник Особого отдела МЧК Ефим Георгиевич Евдокимов. Не знаю, как он поступил с Ачкасовым, но «заключение» следователя перечеркнул размашистой резолюцией, написанной красными чернилами: «Освободить и дело прекратить. Е. Евдокимов. 1. 12. 19».

И — все! Циолковский оказался на свободе. Но в тот же день произошел любопытный казус: Константин Эдуардович не смог сесть на поезд, растерялся и, не зная, где переночевать, не придумал ничего лучшего, как вернуться в тюрьму и попросить ночлега там. И что вы думаете? В нарушение всех правил его пустили в камеру, а утром отправили в Калугу.

...Недавно я побывал в Калуге и встретился с правнучкой Константина Эдуардовича Е. А. Тимошенко. Она работает в Доме-музее прадеда и бережно хранит все семейные реликвии. Вместе с ней я поднимался в «светелку» — ту самую комнату, где его арестовали; сидел в его кресле, держал в руках слуховые трубки, прикасался к рукояткам станков, на которых работал великий старец.

Позже в одном из писем он писал: «Заведующий Чрезвычайкой очень мне понравился, потому что отнесся ко мне без предубеждения и внимательно». Некоторые исследователи решили, что заведующий Чрез-

вычайкой — это сам Держинский. Нет, с Держинским Константин Эдуардович не встречался — это точно, иначе в деле № 1096 непременно была бы его резолюция или виза. А вот Е. Г. Евдокимов оказался самым настоящим ангелом-хранителем и спасителем Циолковского. К сожалению, судьба самого Ефима Георгиевича не столь благополучна: будучи кавалером ордена Ленина и пяти орденов Красного Знамени, в 1940 году он был репрессирован и лишь в 1956-м посмертно реабилитирован. По рассказам правнучки, пребывание на Лубянке Циолковского потрясло, во всяком случае, когда он добрался до дома и постучал в дверь, жена его не узнала. Но что поразительно, он не затаил обиды ни на чекистов, ни на виновника его злоключения А. Я. Федорова. Больше того, после освобождения Киева от белых Константин Эдуардович возобновил с ним переписку и всерьез обсуждал вопрос о переезде на постоянное место жительства в Киев. Елеле уговорили его калужане не покидать город.

Мы очень мало знаем Циолковского, а если и знаем, то лишь как человека, указавшего дорогу в космос. А почитайте его «Очерки о Вселенной», «Горе и гений», «Причину Космоса», «Ум и страсти», «Монизм Вселенной», и вы откроете для себя целый мир, найдете ответы на многие волнующие вопросы...